С премьерой!

Из правофланговых театров эксперимент театр Валерия Фокина, похоже, самым живым получается. И все потому, что «правит бал» здесь актер. Так редко бывает сегодня, чтобы замена исполнителя в конце мейнла звучание всего спектакля. В «Спортивных сценах 1981 года» Э. Радзинского актриса Наталья Архангельская заменила гостившую в Московском театре имени М. Н. Ермоловой Татьяну Дорониину, и повозвратило исчезло сырое любовное пошлость, и какой страшной, большой представилась жизнь.

Актеры Наталья Архангельская, Татьяна Догилева, Олег Меньшиков, Виктор Павлов как-то все разом сумели таковой отдельной от всего человеческого, написанный ради только словесных кружев текст, сделать своим, Догилева, например, не набрасывает с презрительной легкостью портрет нашей несправедливой современной Кати, а заставляет поверить в то, что и «дряки» до рева, до хрипоты — ох, как же бывает плохо.

Глядя на Михайлеву — Архангельскую, спрашиваешь себя:

где, в каком месте накапливается усталость, оказывается возраст, когда так свежи мысли и так азартно хочется жить? Не в морщинах у глаз, а в отчаянно запрокинутой голове, во вскинутых руках, в теряющем естественность смехе. Эти женщины действительно сбережет слабого Сорену (О. Меньшиков) хоть на время от джип и измеш.

Михалева — Павлов теперь с самого начала спектакля обнищает связанность привычную и новую со старыми и только что возникшими партнерами, он предупредительно точен в оценках чужих реакций. След растряченных сил по имя крапиво жизни — изношенность — на его лице.

И только, пожалуй, Меньшиков ничего не накопил за год. Его Сережа — такое же безнадежное ничтожество с рассредоточенным вниманием и моргающим глазами, кивком был прежде. Пока это только набросок, без самостоятельного творческого прочтения.

Интересны планы театра. В. Фокин репетирует «Приглашение на казнь» В. Набокова, американец Майкл Майлер привезет «Американскую пьесу» К. Одетса. Тойко что по-

ляки, режиссер Богдан Хуссаковский и художник Павел Добжинский, поставили спектакль — ленинградцы стали его первыми зрителями — «Прощай, Иуда...» Иринушу Иредельского.

Пьеса написана в 1970 году. Это интеллектуальная драма, в которой евангельский сюжет — лишь повод для разговора о том, что мир жесток и ужасен, о том, что люди разучились верить друг другу и с легкостью друг друга предают.

Место Иисуса Христа в пьесе занимает шеф некоего подпольного движения. На сцене он не появляется, но ясно, то с его ведома совершается насилие над Иудой, и он, боясь расправы, бежит от-прихожан.

Евангелист Иоанн рассказал нам, что для самого тяжкого греха Христос выбрал Иуду. В пьесе Иредельского Иоанну (в переводе Н. Щербановой Иоанн назван Яном — переводит библейские имена с польского на русский, так все, без исключения) Иуда рассказывает, что отец, давший ему это имя, обрел его на недоверие слух в чужих.

Предает разуверившись, —

утверждает пьеса. Две враждующие, конфликтующие силы — подпольщики и полиция — с Иудой Иредельского поступают одинаково: шантажируют, запугивают, пытаются его. Предает обездоленный, — добавляет драматург. Бледнышка, нищенка, прикипявшая сердцем к Иуде, за деньги его выслеживает.

Иуду играют одни из самых интересных московских актеров — Виктор Проскурин. Коренастый, невысокого роста блондин с небольшими, чуть раскосыми, глубоко посаженными глазами, — мы привыкли видеть его в кино эдаким мужичком «себе на уме», со лжиной, схищенной во взоре. А потом была главная роль в спектакле Московского театра имени Ленинского комсомола «Проводим эксперимент», в которой Проскурин тонко и точно рассказал о грани-паузе между намерением и поступком, о том, как это в повседневности — быть или не быть.

Все, о чем мы узнали из Евангелия от Матфея: Иуда, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав

кровь невинную, — и потом, «бросив сребренники в храм, он вышел, пошел и удавился», — Проскурин рассказывает неторопливо, тактично. Перед самоубийством Иуда совершает последнее в жизни добро: пытается помочь Бледнышке поверить в себя. Но, отогревая рядом с ней душу, не на секунду не позволяет себе забыть о содеянном, не сможет с тяжестью этой жизни.

Бледнышка по воли постановщика в исполнении Елены Яковлевой — евлороги, занкание — существо неполноценное, умственно отсталое. Она предает без стыда, в отличие от Иуды, и вряд ли извлечет из случившегося урок. Любое добро бессмысленно, к сожалению, об этом спектакль.

Жаль, есмоловца не привезла свой программный «Второй год свободы» по пьесе А. Буравского — одну из самых заметных, по мнению критиков, московских премьер. Будем надеяться, то повзаконимся с ним плодами трехгодовалых стараний театра под руководством Валерия Фокина и с мыслями о сегодняшнем дне, к которым эти старания ведут. Чынешний приезд Московского театра имени М. Н. Ермоловой вызывает желание сказать что-нибудь очень старомодное, вроде: браво, актеры!

М. АБЕЛЬСКАЯ